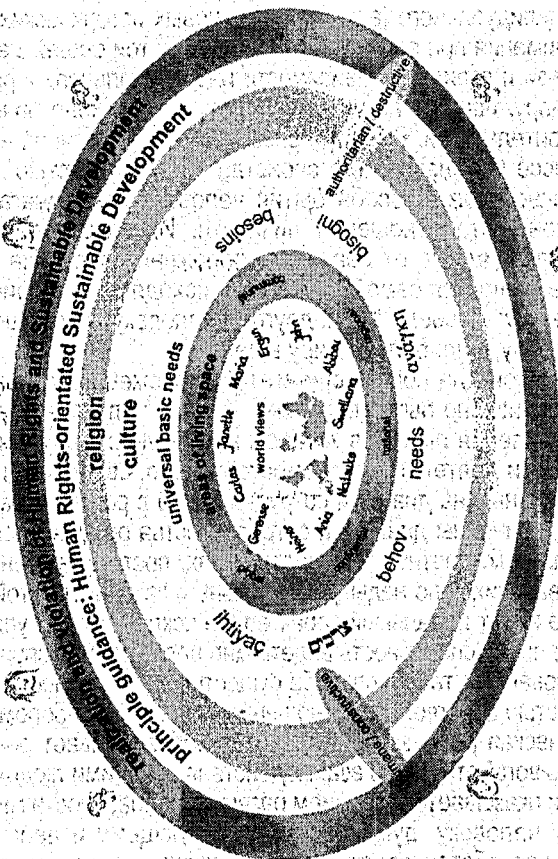

**Steps of an interactive learning process
about the principle guidance of
Human Rights-orientated Sustainable Development**

21 by Jirina Welle, Fachhochschule Rheinberg-Management

**ЛИЧНОСТНЫЙ СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА**

Смягликова М.В.
Институт философии НАНБ, г. Минск

Сегодня, когда процесс трансформации оснований человеческого общежития идет не только на уровне отдельных локальных обществ, но и в глобальном масштабе, новую актуальность приобрело разрешение традиционных вопросов: "Каким будет мир людей в

будущем?”, “Будет ли этот мир человеческим миром?”, “Какая сила может быть движущей для сохранения и развития человечности мира людей?” Для того, чтобы дать ответ на эти вопросы, необходимо переосмысление взаимосвязи общечеловеческого (всеобщего) и индивидуального (единичного) в новых исторических обстоятельствах. В сфере особого внимания при этом оказывается поиск той общей меры, которая образуется из взаимосвязи и взаимной зависимости индивидуального и родового в человеческом бытии и обнаруживается на уровне особенного – в ходе личностного выявления человека в действительности. В центре рассмотрения - интенция наличных отношений человека в процессе реализации его свойства “быть личностью”. Отсюда определение сущности личностного способа бытия человека предполагает вычленение содержательного контекста отношений личности. Их качественная определенность сохраняет свою зависимость от реального положения человека в современном обществе, но устанавливается самой личностью, исходя из критериев личного отношения человека к иному: к своему “Я”, к другому человеку, к сообществам людей, к государству, к обществу, к природе, к миру в целом.

Исходной посылкой для поиска служит предположение: установление общества, основой которого призвано быть творческое начало человека, связано с определенным способом выявления людей, в котором ключевую роль играют ценностные ориентиры их сознания и деятельности, самостоятельно, свободно и осознанно выбранные ими и направленные на диалог и сотрудничество в решении своих жизненных проблем. Безусловно, принципы диалога и сотрудничества реализуются личностью в исторически и ситуативно конкретных обстоятельствах, предопределенных ей с момента рождения и развивающихся по надьиндивидуальным законам. В этой связи их воплощение на практике не носит идеальный характер, не исключает отступлений. Но главное в том, что индивидуальная способность видеть мир целостно и воспринимать его критически выступает основанием такого способа существования личности, который определяется: а) осознанностью собственного отношения к иному; б) выбором тех принципов деятельности, практическая реализация которых, преобразовывает реальную жизнь человека в процессе “живого” открытого взаимодействия с другими людьми, в котором обмен своими свойствами оказывается условием развития человечности мира людей.

Современному человеку, думающему, чувствующему и действующему в интенсивно изменяющихся обстоятельствах своей жизни, нельзя отказать в том, что он разумен в своих повседневных действиях, так как он понимает и осознает свои интересы, цели и условия их достижения. Однако в целом оказывается, что мир людей находится на грани антропологической катастрофы. А сама постановка вопроса о целевой переориентации человеческого развития зачастую признается абсурдной. Во всем этом можно усмотреть результат разрушительного воздействия вещной тотальности в мире человеческого, торжества технологической формы организации социального бытия человека, предавшей социальному забвению творческую самостоятельность единично-конечного человека. Однако в основании критической ситуации современных форм человеческого существования в интенсивно меняющемся мире лежит более глубокое противоречие. Вслед за Я. Сабуро, его суть можно определить как столкновение родового и конкретно-исторического обстоятельства человеческого бытия: “Родовая особенность существования человека состоит в том, что люди нуждаются друг в друге и живут совместно, освобождаясь от всевозможных ограничений. Поэтому отчуждение человека от жизни рода приводит к тому, что люди начинают относиться друг к другу только как к средству, отрываются друг от друга, утрачивают общность своей жизни” [1, С. 45]. Процесс отчуждения человеческой сущности отра-

жает антагонизм родового и конкретно-исторического начал в формировании личности современного человека.

Материалистическое понимание сущности проблемы личностного существования современного человека раскрывает очевидность того, что необходимость и потребность для индивида "быть личностью", как и само содержание этой потребности, обуславливается свойствами "обработанного человеческим трудом окружающего мира" [1, С. 45]. Форма реализации этой потребности (как личностный или "псевдоличностный" способ существования) зависит от тех условий, в которых живет человек, и, которые, в свою очередь, определяются стадией исторического развития общества. Однако "неблагоприятный" отчуждающий характер внешних обстоятельств жизни не лишает личность возможности развивать мир за счет целевого применения своих субъективных свойств, закладывая непрерывность точечных актов по изменению этого мира. Более того, такого рода внешние условия человеческой жизни превращают эту возможность в необходимость "чувственно-человеческой деятельности" (К. Маркс): в практическую потребность человечества изучать и развивать мир не только в форме объекта, но субъективно, акцентируя внимание на качестве отношений реально живущих людей. Во внутреннем мире человека эта объективная нужда в качественно ином содержании мира людей в снятом виде составляет основу потребности личности в самопознании и утверждении своей индивидуальности, а внешне - находит выражение в реальных поступках, отражающих содержание цели и принципов индивидуальной жизнедеятельности. При целевой установке личности на активное участие в жизни эта потребность реализуется в оценочной позиции человека по отношению к своей деятельности. В центре внимания при этом оказывается не результат, а сами реальные отношения личности, из совокупности которых складывается то или иное реальное достижение человека. Личностный способ существования, таким образом, представляет собой реальные отношения человека, осуществляемые на основе понимания естественной обусловленности человечности своей жизни определенным содержанием своих отношений с другими людьми и их отношений друг к другу.

В контексте метафизического видения сущности личности начало личностного способа существования обращено к надбытийной основе ее проявлений в действительности и отталкивается от понимания человека как переходного, неполного, "незаконченного существа". Началом творческого, позитивного для других людей существования личности для представителей русской идеалистической философии выступает отношение человека к Богу, закладывающее в основание его реальных отношений принцип любви. В работе "Религия любви" С. Франк, говоря об общей установке человеческой души, замечает, что это личностное любовное отношение к людям не имеет ничего общего ни со свойственной западному рационализму терпимостью "в смысле признания субъективных прав другого и подчинения его собственному поведению правовому порядку, обеспечивающему эти права... Оно лишь моральное ограничение и самообуздание эгоистической воли, а не произвольное, радостное, активное движение навстречу жизни и живым существам" [2, С. 410], ни с буддийским усмотрением наличности собственного "я" во всем сущем [2, С. 411]. Но есть "живое, положительное принятие "ты", как усмотрение близкого мне "ты" во всех". Отсюда, "первоисточник самого нашего бытия - "есть любовь", т. е. сила, преодолевающая ограниченность, замкнутость отъединенность нашей души и все ее субъективные пристрастия, - сила, открывающая душу и дающая ей сознать себя не как "монаду без окон", а как исконный и неотрывный член всеобъемлющего единства, помогающая ей усматривать в любовной солидарности со всем сущим основу

ее собственной жизни" [2, С. 412]. Таким образом, личностное показано сущностно связанным с содержательной стороной отношения человека к другим людям, определяемой постижением глубины божественной любви к человеку, "созерцанием сердцем". "Не удивляйся, мой милый, – пишет в своем письме к сыну И. Ильин, – безверию и маловерию западных народов: они приняли от римской церкви неверный религиозный акт, начинающийся с воли и завершающийся рассудочной мыслью, и, приняв его, пренебрегли сердцем и утратили его созерцание" [2, С. 399]. Вместе с тем, жизнь "подобна огромному, во все стороны бесконечному потоку, который обрушивается на нас и несет нас с собою. Нельзя жить всем, что он несет; нельзя отдаваться этому крутящемуся хаосу содержаний. ... надо выбирать: отказываться от очень многого ради сравнительно немногого; это немногое надо привлекать, беречь, ценить, копить, растить и совершенствовать. И этим строить свою личность" [2, С. 398].

Оригинальное различение начал личностного и "псевдоличностного" способов существования человека в мире обнаруживается в рассуждениях П. Флоренского о *лице* и *вещи* как критериях жизнепонимания. В частности, в своей работе "Столп и Утверждение истины" он замечает: "... рационалистическое же жизнепонимание решительно не различает, да и не способно различать *лицо* и *вещь*, или, точнее говоря, оно владеет только одной категорией, категорией вещиности, и потому все, что ни есть, включая сюда и лицо, овеществляется им и берется как вещь..." [2, С. 289].

В чем же противоположность вещи и лица как критериев понимания мира и отношения в нем? Оказывается в том, "что вещь характеризуется через свое внешнее единство, то есть через единство суммы признаков, тогда как лицо имеет свой существенный характер в единстве внутреннем, то есть в единстве деятельности самопостроения, – в том самом самоположении "Я", о котором говорил Фихте. Следовательно, тождество вещей устанавливается через тождество понятий, а тождество личностей – через единство самопострояющей или самополагающей ее деятельности" [2, С. 289]. Мысль о зависимости полноты бытия человека от того, на каком качественном основании выстраиваются его отношения к другим людям, оригинально представлена также В. Соловьевым в его работе "Смысл любви". Он пишет: "Если корень ложного существования состоит в непроницаемости, т. е. во взаимном исключении существ друг другом, то истинная жизнь есть то, чтобы жить в другом, как в себе, или находить в другом положительное и безусловное восполнение своего существа" [2, С. 73].

На основании рассмотренного выше можно сделать вывод о том, что характерным признаком личностного существования для русских философов к. XIX – н. XX веков является открытое отношение человека к другим людям, смысл которого отождествляется со способностью любить, возникающей и развивающейся в человеке по мере постижения им Бога. Таким образом, обращается внимание на содержание внутреннего мира человека, выступающее предпосылкой иного качества отношений человека в мире, чем предзаданное ему обстоятельствами. Обнаруживается принципиально важный момент в сущности личностного способа существования как фактора развития человека и общества – содержательная определенность человеческих отношений различного уровня. И если внешний план личностного способа существования связывает позитивную реализацию личностного начала человека с реальной практикой его жизни, с усилием воли человека, которая есть не что иное как мысль, воплощенная в действительность (К. Маркс), то внутренний план – открывает нам позитивную мощь энергии сознательно коллективной деятельности людей. В ее основании оказываются взаимосвязанными две формы свободы человека: осознанной необходимости "быть личностью" как оборотной стороны сознательного преодоления необходимости "быть обезличенным" действительностью.

Итак, субъективным условием преобразования неоднозначных обстоятельств современной социальной жизни соразмерно потенциалу человеческого начала является личностный способ существования людей в конкретном обществе. Определяющим признаком этого способа выступает ценностный ориентир отношений и связей конкретной личности.

На рубеже XX – XXI веков, когда трансформационные процессы охватили не только общества бывшего единого советского пространства, но глубоко затронули все сферы коллективного бытия людей в глобальном масштабе, особую жизненную значимость приобретают вопросы о том, каким путем пойдет дальнейшее развитие мира людей, какая форма изменения человеческой истории (революция или эволюция) будет определяющей, а также, какая сила будет основой этого движения. Поэтому выяснение связи личностного способа существования человека с определенной формой переустройства жизни людей в современном мире представляет особый интерес.

В разные исторические эпохи в революционной форме преобразований общественного бытия мыслящие люди усматривали различные симптомы того, какой может быть человеческая история. Так, для И. Канта, жизнь и творчество которого принадлежит эпохе Нового времени, факт способности человечества к прогрессу обнаружила свершившаяся Великая французская революция. Это событие оказалось для него важным "историческим симптомом" тенденции поступательного движения мира людей на основе их сознательных, нравственных в своей основе, действий. Вместе с тем, И. Кант не усматривает в революционной форме изменения общественного бытия во Франции универсально-необходимого средства разумного развития человеческого сообщества. Исходя из обстоятельств жизни в Германии конца XVIII века, в своих теоретических построениях он обращается к иному механизму разумных изменений – эволюционному. Он соединяет практическую возможность сознательного творения человечеством своей истории с сущностью человека как свободного существа, связывающего себя через свой разум безусловными законами и именно поэтому не нуждающегося ни в идее о другом существе над ним, ни в других мотивах, кроме самого этого закона. В силу того, что объективно практическая реальность есть поле сочетания "целесообразности из свободы" с "целесообразностью природы", а высший моральный закон "желает, чтобы высшее возможное через нас благо было осуществлено...", принципиальное значение для разумного развития совместной жизни людей имеет революция в образе мыслей человека "через новое творение... и изменение в сердце". В контексте современного положения человека, характеризующегося сочетанием интенсивно развивающейся высокотехнологичной цивилизации на фоне глубокого духовного кризиса, представляются важными две обобщающие идеи И. Канта: о возможности "быть добрым" для человека, испорченного в основании, за счет постоянного созидания; и о связи присутствия высшего блага в мире с разумностью конечного человека, для которого характерна революция в мысли и эволюция в чувствовании. Современного человека, при наличии определенных оговорок, пользуясь терминологией И. Канта, можно назвать "человеком, испорченным в основании своих максим". Согласно немецкому классику такой человек может быть добрым человеком только в непрерывной деятельности и созидании, так как "революция необходима для образа мыслей, а для образа чувств (который препятствует ей) необходима постепенная реформа" [3, С. 51].

Осмысление революционной формы разумного преобразования общества на живом историческом материале начала XX века обнаруживает новые стороны ее практического воплощения. Так, революция 1905 года в России в кругу русской философской интеллигенции в значительно меньшей степени рассматривается в связи с сознательными нравственными целями человеческого развития. Факты, сопутствующие этому событию, стали для нее свидетельством того, что практическая реа-

лизация революционных идей может приводить к неожиданным последствиям, имеющим мало общего с разумной, нравственной деятельностью человеческого существа. "Нравственное вырождение, которым кончилась революция 1905 г., нанесло некоторый удар престижу революционной морали, пишет, например, Н.А. Бердяев, — и ореол революционной святости потускнел. Но действительного излечения, на которое некоторые надеялись, не произошло" [4, С. 287]. Подобное умонастроение большого круга лиц — представителей мыслящей России того времени, проявилось также и в последующей критической оценке Великой Октябрьской революции, что в не меньшей степени было обусловлено теми последствиями, которые возникли по факту *столкновения в революционной практике рациональных усилий и неразумной чувственной стихии человеческого начала*. Так, например, А.С. Изгоев замечает: "...в русскую жизнь пришел даже не индивидуализм — законный и в известных пределах для нас необходимый, а противообщественный солипсизм, разрушающий социальные связи. Лозунги говорили о всеобщем братстве и равенстве, а в действительности всякий "социалист" действовал по правилу: каждый для себя, рви что можешь и где можешь" [4, С. 381]. Значительно позже С. Московичи определит природу возникновения этой непредсказуемой силы как феномен "психологии толп", в основании которого толпа выступает как "странное явление: аккумуляция разнородных элементов, не знакомых друг с другом" [6, С. 450]. Разрушительная сила этого явления проявляла себя и в период Великой Французской революции, и позже. Наблюдается она и в наши дни, сопровождая "освободительную миссию" США в Ираке, Югославии, Афганистане. В этом фиксируемом и повторяющемся в истории феномене, вырастающем из противоречия между "разумностью" усилий по изменению обстоятельств жизни людей и "неразумностью" стихии, вызванной разрушением привычной системы социальной, экономической, политической организации окружающего людей мира, в критические моменты истории, когда происходит смена оснований развития совместного бытия людей, обнаруживается наиболее ярко и остро социальный смысл содержательной стороны отношений людей в обществе. Проблема оказывается сконцентрированной вокруг систематизирующего критерия социальной связи людей, на основе которого понимание действительности и практическая деятельность реального человека способствует поступательному воплощению позитивных форм общественной жизни. В основании механизма этого движения находится осознанный выбор личностью цели и принципов проявления своей индивидуальности в общественных отношениях различного уровня. Таким образом, понимание не только фактической действительности и своего положения в ней, но и социальной основы реального осуществления своей индивидуальности — важное условие противостояния стихийности "века толп", образующихся, согласно С. Московичи, из "массы людей, порвавших нити традиций и верований, потерявших всякий контакт с местными установлениями и всякую связь со своим сообществом. Людей которые обнаруживают себя одинокими и безмянными. Вырванные из своей общественной ткани, они вовлечены в круг медиа и потребления в соответствии с моделью, назовем ее американской, которая им чужда" [7, С. 449]. Природу этого явления, как и противоположного ему — крайней индивидуализации человека, когда содержание его личности определяется предельным эгоизмом, предвосхитил еще К. Маркс. Он показал ее как результат таких исторических условий, в которых человеческое развитие проходит в обстоятельствах отчуждения человека от продуктов его деятельности и сопряжено с объективной невозможностью для индивида распредечивать необходимые родовые человеческие свойства, формирующие индивидуальное лицо его собственной человечности. И связано это с тем, что условия для реализации этой возможности лежат за пределами того про-

странства повседневной жизни человека, которое определяется основным экономическим законом капиталистической формы хозяйствования. Положения К. Маркса об отчуждении человека во многом объясняют нам причины современного разрушения целостной силы субъективного фактора развития общества и поляризации этой распавшейся силы на крайних точках своего проявления: эгоизм крайнего индивидуалиста – "безликость" и "безумие" человека массы. Можно ли найти выход из создавшегося положения? Если за основу преобразований обстоятельств существования современного человека взять реформационный путь развития общества, то очевидно, что для того, чтобы достичь существенных изменений в настоящем необходимо единство цели действий, предпринимаемых как со стороны общества, так и со стороны личности. Важным является формирование определенного содержания личностного начала человека. Поэтому успех изменений в обществе предполагает согласованность усилий социального и индивидуального порядка по формированию целостной личности, ориентированной на определенные критерии своих отношений с другими людьми. Таким образом, обнаруживается социальный контекст личностного способа существования, в основе которого принцип социальной связи, организующий людей в единый социальный организм, объединенный целями созидательной деятельности, и предрасполагающий их к прогрессивным преобразованиям в обществе.

Итак, личностный способ существования – это творческая жизнедеятельность человека, в процессе которой важно не только создание им чего-то нового предметно, но имеет значение нравственный смысл его активности. В современных исторических условиях внешние предпосылки для формирования и расширения принципа личностного способа существования человека до масштабов всего общества будут вырабатываться преимущественно локально, то есть в пределах тех социумов, которые ориентированы на прогрессивный гуманистический вектор исторического движения и реализуют эту ориентацию на практике в социальной, экономической, политической и других сферах общественной жизни. Подход, характерный для современной политической и экономической деятельности США, будучи направленным на утверждение экономических интересов собственной элиты в масштабах всего мира, на самом деле вносит деструктивный модус в социальную целостность человечества. Причина в том, что в основе "гуманистических" целей деятельности этой страны лежит экономический закон, низводящий индивидуальное в человеке, в культуре или в общении людей до уровня несущественного, безразличного, и замещающий личностное индивидуальным.

Вместе с тем, определяющим моментом социального смысла личностного способа существования является гуманистическая коллективистская ориентированность жизнедеятельности конкретной личности, что, по своей сути, позволяет видеть в нем субъективную основу формирования коллективной исторической силы постиндустриального развития мира – народа как общности, объективной основой единства которого является совокупная созидательная деятельность людей во всем их индивидуальном многообразии. Именно личностная основа общей активности, выраженная в исторической деятельности народа, позволяет видеть в личностном способе существования единичного человека элемент той социальной силы, которая сегодня действительно способна противостоять и мощной силе стихии толпы, и безликой власти массового общества. И это чрезвычайно важный момент. Достаточно вспомнить недавние события в странах, где с помощью политических технологий и экономического подкупа произошли "бархатные революции": Чехия (ноябрь 1989 г.), Югославия (сентябрь-октябрь 2000 г.), Грузия (ноябрь 2003 г.), Аджария (май 2004 г.). Их "успех" во многом связан с умелым применением силы толпы, дестабилизирующее значение которой из сопутствующей в период социальных революций прошлого превратилось в силу, определяющую ситуацию в событиях настоящего.

Итак, личностный способ существования человека, будучи рассмотренным как технология гуманистически ориентированного отношения человека к себе и другим людям, отражает качество связей и отношений людей друг к другу, обнаруживая при этом предназначающую роль ценностного признака отношений реального человека с окружающими его людьми. При этом логика социального воспроизводства раскрывается во взаимосвязи и взаимозависимости от конкретно-исторической доминанты ядра ценностей, определяющих отношения людей друг к другу в пределах конкретного общества. Обнаруживается определенная обусловленность социального воспроизводства и развития общества масштабом и степенью согласованности активности людей, его составляющих, в действиях которых находит свою реализацию человеческая способность выстраивать собственную программу личного развития, и, осуществляя свой собственный выбор, отвечать за него перед другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. Сабуро Я. Философские размышления о природе человека: К вопросу о теории отчуждения К. Маркса // Японские материалисты. - М., 1985.
- [2]. Русский Эрос, или философия любви в России. - М., 1991.
- [3]. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Кант И. Сочинения: В 6-ти тт. - Т. 4 Ч. 2.
- [4]. Вехи. Из глубины. - М., 1991.
- [5]. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. - М., 1998.
- [6]. Московичи С. Век толп. - М., 1989.
- [7]. Бауман З. Индивидуализированное общество. - М., 2002.

НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛОГА В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ»

Лапина С.В.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что сформировавшееся еще в прошлом столетии информационное общество – это упрощенный вариант социального устройства, в котором технологии создания, трансляции и потребления информации стали играть роль главного фактора социальной динамики. В XXI веке отчетливо проявились тенденции, которые еще не в полной мере проанализированы, но их реализация уже получила название – общество знания (Knowledge Society).

Состоявшийся 9-11 марта 2005 г. в Брюсселе Форум "Science in Society" обозначил основные направления деятельности научного сообщества в новых социальных реалиях в названиях своих сессий.

1 сессия – **Наука, общество и Лиссабонская стратегия** посвящалась анализу целей развития объединенной Европы в соответствии с планами развития до 2010 г., определенными в Лиссабонской стратегии по устойчивому развитию. Суть Лиссабонской стратегии состоит в создании в объединенной Европе самой конкурентоспособной в мире, динамичной наукоемкой экономики, способной к устойчивому росту на основе создания новых рабочих мест и роста социальной солидарности.

2 сессия – **Наука, технология и демократия** была посвящена анализу путей взаимодействия науки с высшими государственными чиновниками, принимающими решения в демократическом обществе, особенно на уровне Евросоюза.

3 сессия – **К культуре научной коммуникации**. Эта сессия рассматривала проблемы влияния быстроразвивающейся науки на технологии нашего жизнеобес-